

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.016

УДК 341.645.5:342.7

ПРЕДРАССУДКИ, РАЗРУШАЮЩИЕ ПРАВО

А. П. Семитко

Гуманитарный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Рассматривается статья М. А. Краснова «Аксиомы, разрушающие право», посвященная решению Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу о правомерности отказа российских властей в регистрации брачных отношений трем однополым парам. М. А. Краснов обосновывает свою критику данного решения новой аксиоматикой, т. е. некоторыми принимаемыми без доказательства постулатами, из которых, по его мнению, исходит ЕСПЧ. В данной статье показывается, что такой аксиоматики в постановлении суда не наблюдается ни в открытом — прямом, текстуально выраженном — виде, ни в скрытом, косвенно извлекаемом из решения значении. Напротив, Суд доказывает свои исходные посылки приглашением властей России обосновать вред, который может, по их мнению, возникнуть в случае введения в стране юридического института однополых союзов, а также призывает найти справедливый баланс между общественными интересами и интересами заявителей. При этом Суд не настаивает на непопулярном в общественном мнении страны решении о признании однополых браков в России. В статье предлагается отыскать общие основания для поиска компромиссов сторонников и противников однополых союзов: в качестве таковых предлагаются известные правовые аксиомы равноправия, уважения человеческого достоинства и обосновывается, что реальный вред правовым началам в стране наносится имеющимися общественными предрассудками, а не новыми аксиомами, которые к тому же еще и не удалось отыскать в решении ЕСПЧ.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), право, однополые союзы, традиционный брак, общественная нравственность, моральные нормы, равноправие, уважение человеческого достоинства, дискриминация, предрассудки.

Для цитирования: Семитко А. П. Предрассудки, разрушающие право // Koinon. 2022. Т. 3. № 2. С. 56–68. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.016

PREJUDICES THAT DESTROY THE LAW

A. P. Semitko

Liberal Arts University — University for Humanities
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The review considers the article “Axioms that destroy the law,” dedicated to the decision of the European Court of Human Rights (ECHR) in the case of the legality of the refusal of the Russian authorities to register marriage between three same-sex couples. The author of the peer-reviewed article justifies his criticism of this decision with new axiomatics, that is, some postulates taken without proof, from which, in his opinion, the ECHR proceeds. The proposed review shows that such axiomatics in the Ruling of the Court are not observed either in an open — direct, textually expressed — form, or in a hidden, indirectly meaning extracted from the decision. On the contrary, the Court proves its original premises by inviting the Russian authorities to substantiate the harm that, in their opinion, might arise if a legal institute of same-sex unions were introduced in the country, and also calls for finding a fair balance between the public interests and the interests of the applicants. At the same time, the Court does not insist on the decision of the authorities unpopular in the country’s public opinion on the recognition of same-sex marriages in Russia. The review proposes finding common grounds for compromises between supporters and opponents of same-sex unions: as such, the author offers well-known legal axioms of equality, respect for human dignity. He also justifies that real harm to legal principles in the country is caused by existing public prejudices, and not by new axioms, which, moreover, have not been found in the decision of the ECHR yet.

Keywords: European Court of Human Rights (ECHR), law, same-sex unions, traditional marriage, public morality, moral norms, equality, respect for human dignity, discrimination, prejudice.

For citation: Semitko, A. P. (2022), “Prejudices that Destroy the Law”, *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 56–68 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.016

Статья М. А. Краснова «Аксиомы, разрушающие право» посвящена анализу решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу о правомерности отказа российских властей в регистрации брачных отношений трем однополым парам — Федотова и другие против России от 13 июля 2021 года [ECtHR 2021], в котором Суд признал, что Российская Федерация нарушила ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года [О ратификации Конвенции 1998], поскольку ее законодательство не предусматривает возможность официальной регистрации однополых союзов. Данная проблема является актуальной не только для России, но и для

всего западного мира, где в некоторых странах в момент принятия законодательного решения об однополых браках проходили массовые демонстрации (например, во Франции) как в поддержку, так и против такого решения. Там эта проблема тоже вызывала жаркие дискуссии [Duchateau, Guerlain 2012; Barjot 2012]. Добавим, что для России эта тема даже еще более актуальная или, точнее сказать, более болезненная, поскольку практически все подвластные средства массовой информации: телевидение, пресса, интернет-ресурсы — проводят оголтелую гомофобную пропаганду, раздувая ненависть к ЛГБТ-сообществу и представляя Запад как рассадник указанного тлетворного морального влияния на образцово-показательные традиционные семейные российские ценности, создавая при этом даже определенный новояз, называя Европу не иначе, как гей-Европой (?!). Посыл и решаемые властями задачи вполне понятны: если не удастся добиться превосходства в уровне и качестве жизни россиян по сравнению с западным миром, не удастся добиться первенства в технологических и прочих инновациях (очень многие в РФ покупают почему-то Apple и Samsung, западные автомобили, компьютеры и много еще чего «гей»-европейского, а не продукцию российских предприятий, основывающих свою деятельность на высоких традиционных духовных ценностях), и такие неудачи сегодня, в эпоху открытости западного мира для россиян и невольных сравнениях ими того, «как у них» и «как у нас», режут глаз, то хоть здесь — в плане гонения на секс-меньшинства — можно легко убедить население, что мы «лучше всех на свете», так как имеем якобы гораздо более высокие духовные ориентиры, а потому призваны научить мир, как нужно жить правильно. По этой причине обращение к данной болезненной теме требует особой деликатности и, как мне кажется, М. А. Краснов, не скрывая своего однозначно отрицательного отношения к проблеме однополых браков (и даже однополых гражданских союзов, партнерств), соблюдает все необходимые меры «предосторожности» и рассматривает ситуацию весьма корректно, на высоком академическом уровне, хотя сделать это не так-то просто.

Несмотря на определенную «застарелость» проблемы, статья М. А. Краснова содержит интересные моменты новизны, так как комментарий нового (в отношении Российской Федерации) решения авторитетной международной судебной инстанции, создающей для России прецедент, то есть формирующей новое содержание российского права по данной проблеме, является в правоведении новым с научно-юридической точки зрения. Краснов дает строго научный и, на первый взгляд, весьма убедительный анализ проблемы. Однако слабой, с моей точки зрения, стороной данной статьи является, с одной стороны, уклонение от текста и смысла комментируемого судебного решения (например, про аксиому, которая в указанном тексте отсутствует, о чем скажу ниже) в область абстрактных рассуждений, а с другой — незавершенность ее аргументации, недоговоренности и даже некоторые намеки, которые могут быть поняты

по-разному. Так, уже в красивом поэтическом эпиграфе к статье дается намек или определенная оценка (?) обсуждаемым в статье требованиям однополых пар о регистрации их близких отношений в качестве брачных (либо в качестве иных юридических союзов, которые бы позволили им избежать дискриминации в самых разных их отношениях по сравнению с гетерогенными парами) как требования меньшинств обнаглевших («уважаются меньшинства, совершенно обнаглев...»). Этот намек не получает конкретного развития в дальнейшем по причине, видимо, полной и очевидной для автора истинности разделяемой им позиции. Однако такая исследовательская установка базируется скорее на эмоциональном, чем рациональном фундаменте всего им написанного: ведь если меньшинства обнагтели, а их в этом еще и Европейский суд по правам человека поддерживает, то какой смысл убеждать их авторским разумом, им просто надо дать достойный отпор, показав, что такая позиция ведет ни много ни мало к катастрофе — разрушению права (Краснов пишет: «И наибольший ущерб ему (праву. — А. С.) может нанести, как это ни удивительно, не правонарушители, а суд»).

Право страдает, если суд выносит неправосудные решения, но «далеко не все понимают, что еще бóльшая опасность, если суд, строго соблюдающий закон, в основу своего решения кладет некие аксиомы, которые создают условия для разрушения самого права»). В таком случае рациональная аргументация не является ведущей, даже если автор, как кажется, только ее и пытается представить. Подобную ситуацию хорошо описал в особом мнении по делу Голдер против Соединенного Королевства (*Golder v. United Kingdom*, 21.02.1975) сэр Джеральд Фицморис, указавший «на сложности, которые неминуемо возникают в связи с процессом толкования, когда то, что разделяет стороны, связано не столько с разногласиями по поводу значения терминов, сколько с различием в способах мышления. Стороны в этом последнем случае работают в разной системе координат; они идут параллельными путями, которые никогда не пересекаются — по крайней мере, в евклидовом пространстве, за пределами геометрии Лобачевского, Римана или Больяи. По образному выражению сэра Хэмфри, стороны говорят, пользуясь разной длиной волны, в результате они не столько не в состоянии понять друг друга, сколько просто услышать. Каждая сторона может в рамках своей системы координат представить внутренне непротиворечивую аргументацию, но так как эти системы координат различны, ни один из доводов одной стороны не может сам по себе опровергнуть доводы другой. Решение проблемы невозможно, если только вначале не определить правильной — вернее, приемлемой для сторон — системы координат, но так как это зависит от подхода, ощущения, отношения или даже политики, а не от правильности юридических или логических доводов, то, следуя по этому пути, вряд ли удастся найти решение» [Европейский суд 2000, с. 63–64].

Поскольку здесь во многом речь идет о ценностях и вытекающих из них соответствующих картинах социальной реальности и способах мышления по их поводу, то разговор должен идти о поиске приемлемой для сторонников и противников однополых союзов общей системе координат, общей системе ценностей. Иначе дискуссия не сможет состояться в принципе, ибо для лиц, толерантных к ЛГБТ-сообществу, любые рассуждения, приводимые М. А. Красновым в его статье, напоминают «научные» рассуждения о том, почему черным нельзя ездить в одном автобусе с белыми, учиться с ними в одних школах и т. д. Подобные рассуждения вызывают у них резко отрицательные моральные оценки [Taillefer 2013, p. 19]¹, а для автора гетерогенного супрематизма подобную же, видимо, реакцию вызывают противоположные подходы («обнаглевших меньшинств»?). И основания таких оценок и рассуждений, по его мнению, достаточно мощные: М. А. Краснов неоднократно упоминает о них в своей статье — *это мнение большинства россиян*, которые думают и чувствуют так же (господствующая в обществе нравственность). Этот фундамент напоминает немного способы поддержки запретительных норм в рамках моральных дискуссий, о которых упомянул в свое время А. Макинтайр; в одном из таких способов, он писал: «...я просто говорю: „Делай так-то и так-то“. На вопрос человека, которому адресуется приказ: „Почему я должен делать это?“, я отвечаю: „Потому что я так хочу“» [Макинтайр 2000, с. 15]. Под «я» в нашем случае имеется в виду господствующее в России моральное гомофобное большинство. Оно так хочет, и уже этого одного вполне достаточно, ибо оно — большинство, обладающее силой, властью, в том числе властью диктовать господствующие моральные нормы и соответствующие им законы, которые запрещают однополые браки и даже однополые гражданские союзы, которые их противникам напоминают традиционные гетерогенные браки. В другом случае, возвращаясь к Макинтайру, «ответом на вопрос „Почему я должен делать это?“ (после того, как сказано „Делай так-то и так-то“) является не „потому, что я этого хочу“, но некоторое высказывание типа „потому что это будет приятно определенному числу людей“» [Там же]. В нашем случае «определенное число людей» — это большинство. Оно считает любое свое мнение высокоморальным и глубоко духовным по определению, ибо ведь оно — большинство. Такая аргументация не представляется самодостаточной для обоснования правомерности законодательства, принятого на основе одной только господствующей в обществе нравственности во всех случаях и особенно в тех, когда имеются иные моральные притязания, так как мы знаем, что

¹ В литературе, посвященной критике «хьюманрайтизма» (преувеличений в области защиты прав человека), отмечается неэффективность интеллектуальных дискуссий, которые базируются на эмоциональных оценках, аргументах *ad hominem*, когда вместо обсуждения пределов правозащитной деятельности максималисты последней говорят лишь об отвращении и тошноте, которую вызывают у них взгляды оппонентов, которых они называют «врагами».

моральные нормы меняются в ходе истории, и М. А. Краснов сам справедливо об этом последнем упоминает. Какие-то моральные нормы становятся со временем не такими жесткими и императивными, даже если их и придерживается большинство; последнее постепенно меняет свое отношение к тому или иному поведению, и моральная норма теряет свою «непримиримость». Один этот изолированный аргумент — от морального большинства — закономерно не был принят ЕСПЧ, и поэтому в п. 52 своего решения он отметил: «Суд принимает к сведению утверждение властей РФ о том, что большинство россиян не одобряют однополые союзы. Действительно, общественные настроения могут играть роль в оценке Суда, когда дело доходит до оправдания на основании социальной морали. Однако существует значительная разница между уступкой общественной поддержке в пользу расширения сферы действия гарантий Конвенции и ситуацией, когда эта поддержка используется для того, чтобы лишить значительную часть населения доступа к основному праву на уважение частной и семейной жизни. Было бы несовместимо с основополагающими ценностями Конвенции как инструмента европейского публичного порядка, если бы осуществление конвенционных прав группой меньшинства было обусловлено ее принятием большинством».

В данном споре более продуктивным представляется постановка другого вопроса: какой вред обществу может причинить юридическое разрешение в России однополых союзов? И Европейский суд именно его и ставит. Уважая мнение российского большинства и его национальные традиции, Суд не настаивает на легализации однополых браков, он говорит о том, что представитель российского государства не указал никаких аргументов о конкретных видах ущерба общественной нравственности в случае разрешения официальной регистрации однополых союзов (гражданских союзов, пактов гражданской солидарности и т. п.), что позволило бы лицам одного пола иметь юридическую защищенность, которая есть у разнополых пар в области имущественных, наследственных и иных правовых отношений. Не указал, к сожалению, этих аргументов в своей статье и М. А. Краснов. Утверждения же его, что «сосуществование традиционного института семьи и института однополых партнерства, претендующего на статус семьи, размывает и подрывает социальную значимость института семьи» или еще более резкая констатация, что однополые союзы «извращают смысл брака, стремясь походить именно на семейный союз», являются исключительно эмоциональными констатациями, показывающими лишь неприязнь большинства российского населения к данному юридическому институту. С рациональной же, логической точки зрения эти заявления совершенно бессодержательны, так как если бы они соответствовали реальной действительности, то должны были бы быть показаны конкретные виды ущерба, наносимого такими союзами традиционным семьям и обществу (его подавляющему большинству) в целом. Иначе это всего лишь

внешне рациональная, но внутри пустая оболочка для эмоционально неприемлемого автору результата.

Как и почему гражданский союз однополых пар (либо какой-то иной юридический институт, который защитил бы их имущественные, наследственные, процессуальные и иные права как лиц, проживающих вместе) может разрушить традиционную семью?! Если пофантазировать, то, кроме анекдотичных, полных гротеска аргументов и горькой иронии, на ум ничего не приходит; например: если вдруг появится такой юридический институт в России, то все гетерогенные пары расторгнут свои традиционные брачные союзы (либо и вовсе не будут их создавать) и бросятся в объятия новых, теперь уже однополых партнеров и станут заключать исключительно однополые юридические союзы и традиционный брак по этой причине будет полностью разрушен, прекратится прирост населения и нация будет обречена на исчезновение (или еще что-то ужасное в таком же роде).

Основной аргумент автора и состоит в том, что уничтожение опоры права на господствующую общественную мораль уничтожает само право. Вводимые же Европейским судом новые, с его точки зрения, аксиомы, идущие в разрез с моральными представлениями российского общества, уничтожают российское право. Этот аргумент не является завершенным: он совершенно правильный сам по себе (да, право должно основываться на общественной морали — в этом суть как прежних, юснатуралистских, так и современных непозитивистских подходов к праву [Алекси 2011; Дворкин 2004]), но крайне абстрактный, так как не доведен до уровня обсуждаемой автором проблемы: достаточно ли одного лишь нравственного большинства, чтобы закон безоговорочно принимал сторону этого последнего во всех случаях или же не все господствующие в обществе моральные постулаты должны защищаться правом в одинаково безоговорочной степени? Или, может быть, даже напротив: право должно защищать меньшинства от господствующих, но устаревших нравственных предрассудков, обеспечивая принцип правового равенства и уважения человеческого достоинства? Это, с одной стороны, а с другой — авторский аргумент сопровождается немного утрированными сравнениями: «...представьте, например, что запреты посягать на свободу, здоровье, жизнь человека обосновываются не нравственными идеями, а, допустим, подрывом экономической эффективности»². Было бы очень хорошо, если

² В дискуссиях о правах человека, о принципах права, которые с ними связаны, выделяют принципиальные и стратегические аргументы. Последние обусловлены достижением некоторой цели, связанной с улучшением каких-то экономических, политических или социальных условий в обществе, а первые основаны на моральных требованиях как таковых (справедливость, честность и т. д.), и поэтому здесь «цена вопроса» уходит на второй план или отсутствует вовсе, а в стратегических аргументах без этого последнего не обойтись, потому что общество далеко не всегда может позволить себе такие расходы, которые бы в полной мере отвечали его нравственным

бы автор обосновал, почему изменение некоторых моральных императивов в других сферах не распространяется на указанные им отношения. Краснов ведь соглашается с тем, что позитивные обязательства государства по защите женщин жизненно необходимы, имея в виду «факты убийств на Кавказе девушек (причем, нередко родственниками) в связи с тем, что кто-то выкладывал в сеть компрометирующие их видео или даже если распространялись в отношении их компрометирующие слухи». Но ведь здесь тоже разрушается господствующая мораль того общества, где распространены эти обычаи (добавлю, что такие случаи встречаются не только на Кавказе, но и в иных обществах, где господствует ислам, в том числе и в тех европейских странах, где широко представлены мусульманские общины). Почему в одних случаях М. А. соглашается с европейскими морально-нравственными тенденциями в области защиты прав человека, а в других — нет? Это досадный пробел в аргументации, что делает позицию М. А. уязвимой, показывая, что в фундаменте его рассуждений лежит не рациональное, а скорее эмоциональное начало, что, конечно, не запрещено, но его одного явно недостаточно для завершённого научного анализа проблемы.

Наконец, центральная идея статьи — разрушающая право аксиома («человек имеет право на любой выбор, ибо он является хозяином (полным и исключительным собственником) своего тела»), на которой, по мнению автора, базируется решение Европейским судом данного дела (и других подобных дел), отсутствует в тексте анализируемого Постановления: нет такой аксиомы там ни в явном, ни даже, как нам кажется, и в скрытом виде тоже. Автор «достраивает» или скорее приписывает ее Суду. Любопытный может посмотреть текст решения и увидеть, что Суд говорит о необходимости поиска баланса между имеющейся в обществе социальной реальностью — наличием однополых пар, соответствующими интересами заявителей и возможным общественным вредом, о котором говорят противники однополых союзов, т. е. о необходимости поиска баланса интересов первых и интересов общества, заключающихся в неприятии подобных союзов. Понятно, что данный общественный интерес нельзя игнорировать по прихоти какого-либо меньшинства, но, уважая достоинство каждой личности, необходимо провести известный тест пропорциональности, т. е. оценить имеющиеся в России правоограничения для однополых пар и возможный ущерб обществу, на который ссылается большинство и который, по их мнению, возникнет в результате

требованиям. Поэтому нищенские размеры социальных пособий «ликвидаторам» последствий различных чрезвычайных ситуаций, людям, претерпевшим политические репрессии, другим категориям населения, то есть возмещение ущерба, нанесенного государством их правам, как раз и объясняются прямо или косвенно «подрывом экономической эффективности», что для автора является абсолютно неприемлемым (и я с ним в этом согласен), однако же имеет, к сожалению, место в нашей политико-правовой системе [Дворкин 2004, с. 45].

удовлетворения запросов заявителей (п. 49 упомянутого Постановления ЕСПЧ): «Суд повторяет, что статья 8 Конвенции закрепляет право на уважение частной и семейной жизни. Он прямо не налагает на Договаривающиеся государства обязательства официально признавать однополые союзы. Однако это подразумевает необходимость достижения справедливого баланса между конкурирующими интересами однополых пар и общества в целом. Выявив интересы отдельных лиц, Суд должен приступить к их сопоставлению с интересами общества». Исходя из этой правовой позиции можно сделать вывод, что если бы Суду предъявили аргументы, показывающие наличие серьезного вреда российскому обществу (кроме странного «аргумента»: ну, не нравится это большей части нашего общества — и точка), то он вряд ли бы стал настаивать на своем решении о том, что Россия нарушила ст. 8 Конвенции. Однако при наличии у ЕСПЧ упомянутой М. А. Красновым аксиомы данная постановка вопроса — о поиске баланса — не была бы для Суда актуальной: для него было бы просто бессмысленно ставить проблему поиска баланса интересов, ибо тогда человек мог бы делать любой выбор — даже нанося обществу колоссальный ущерб (незаметно М.А. дополняет данную аксиому в другом месте своей статьи, говоря, что ее применение приводит к «подрыву социальной значимости института семьи», к «извращению смысла брака»), ибо он хозяин своего тела. Автор говорит про другие решения, где эта аксиома как будто бы была сформулирована, но не ссылается на конкретные источники, где ее можно было бы отыскать. Приведем поэтому правовую позицию ЕСПЧ по другому делу, которая хотя и была высказана им 20 лет назад, но по более весомому для человека праву — праву на жизнь, на избавление от невероятных страданий и мучительной смерти, что косвенно опровергает утверждение автора о возможном наличии в посылках ЕСПЧ сформулированной им аксиомы. Так, в известном классическом прецеденте (leading case) Претти против Соединенного Королевства [ECtHR 2002] было установлено, что ст. 2 не гарантирует «право умереть», поэтому отсутствовало нарушение ст. 2, поскольку муж заявительницы, которая была смертельно больна, испытывала серьезные страдания и не могла совершить самоубийство, подвергся бы уголовной ответственности согласно законодательству Соединенного Королевства, если бы помог жене умереть. Наличие уголовной ответственности в данном случае не нарушает и ст. 8 Конвенции (право на уважение частной и семейной жизни) [Право Европейской конвенции 2021, с. 270, 367, 682]. Если бы Суд исходил из упомянутой автором аксиомы — «человек имеет право на любой выбор, ибо он является хозяином (полным и исключительным собственником) своего тела», — то какие основания были бы у Суда отказывать смертельно больной заявительнице в праве на то, чтобы муж исполнил ее последнюю волю произвести свой «любой выбор», в том числе распорядиться своим больным телом при помощи своего мужа? Никаких.

Глубина и академичность подхода М. А. Краснова находят свое выражение, помимо всего прочего, еще и в том, что он стремится избежать одностороннего анализа, рассматривая возможные *pro et contra* своего подхода. Однако в ряде случаев авторские «*pro*» оказываются слабее приведенных им «*contra*» к его же собственной позиции. Так, автор цитирует опубликованную почти полтора столетия назад (в 1882 году) работу Лопухина А. П. «Законодательство Моисея» и справедливо добавляет: «Однако сегодня многие, даже если согласятся с исторической ролью христианства, скажут примерно следующее: „Ныне христианская этика уже не отвечает потребностям глобального общества и поэтому само общество выработает необходимую для него этическую систему“». Верно! Сегодня даже в рядах католиков и православных начинают обсуждать вопрос о допуске женщин в ряды священников (что реализовано в некоторых протестантских христианских общинах), чего ранее и помыслить себе не могли ортодоксальные христиане. Понятно, что все еще господствующее в христианской доктрине и практике в XXI веке отношение к женщине есть не что иное, как вопиющая и, можно даже сказать, дикая дискриминация по гендерному основанию. Очевидно, что и негатив к однополым отношениям тоже относится к числу дискриминационных предрассудков этой великой мировой религии — духовному фундаменту западноевропейской цивилизации; и вполне возможно, что они могут получить со временем иную оценку со стороны христианской церковной доктрины. Но неужели современному и в основном светскому обществу надо ждать изменений устаревших религиозных догматов и, пока этого не случилось, ориентироваться на подобного рода отжившие пережитки прошлого?!

С нашей точки зрения, российское право разрушают сегодня скорее устаревшие предрассудки (идеологические, религиозные, политические, геополитические, гендерные, этнические и т. п.), нежели какие-то аксиомы, особенно когда не доказано их существование. Реально существующие правовые аксиомы — это проверенные временем, выстраданные цивилизацией юридические ценности. Предложенная М.А. формулировка не является юридической аксиомой, не является она и фундаментом, на основе которого ЕСПЧ принимает свои решения. Автор употребляет слово «аксиома» не в научно-юридическом смысле слова (близком к понятию «принцип права»), но скорее в ином его и, конечно, тоже научном — гносеологическом, логическом — значении как исходное утверждение Суда, не требующее от него никаких доказательств. Однако то, что ЕСПЧ приводит обоснование (доказательства) своей позиции, показано нами выше. А вот реально существующей и весьма глубинной юридической аксиомой развитого, цивилизованного права является принцип равенства и уважение современным правом человеческого достоинства. Уверен, что на базе этих правовых ценностей (аксиом, постулатов) можно построить общую систему координат,

о которой говорилось выше, для дальнейшего обсуждения данной проблемы и возможного поиска приемлемых для всех сторон компромиссов. В том же случае, когда мораль какого-то общества не соответствует этим правовым ценностям, ставшим аксиомами, она является антиправовой, неправомерной с юснатуралистской, непозитивистской точки зрения. Понятно, что общество не сразу приходит к пониманию этих глубинных и исключительно важных юридических начал, да и раскрыты они были полностью только после известной революции в области прав человека [Ignatieff 2007; Walker 1998; Gauchet 1989], произошедшей во второй половине прошлого столетия. Хотя эта правовая революция, к сожалению, прошла мимо немалого числа стран в мире и сегодня еще не является ценностью и ориентиром для правового развития таких стран. Хотя в исторической перспективе правовой прогресс неостановим: ведь когда-то господствующей моралью общества (и даже великими ее интеллектуальными представителями) одобрялось рабство, расовая дискриминация, гендерное неравенство и многое другое, что сегодня кажется очевидным вопиющим насилием над правом.

В качестве постскриптума следует заметить, что по рассматриваемому делу Россия обратилась с апелляцией в Большую палату (БП), и оно было туда передано 22 ноября 2021 года. Последнее означает, что Постановление ЕСПЧ от 13 июля 2021 года «Федотова и другие против России» не вступило и не вступит в силу, поскольку окончательное юридическое значение будет иметь последующее решение Большой палаты (БП). Однако поскольку 16 марта сего года Россия перестала быть членом Совета Европы, досрочно освободив себя в дальнейшем от обязательной юрисдикции ЕСПЧ (см. ст. 7 Федерального закона от 11.06.2022 № 183-ФЗ [Федеральный закон 2022]), то вряд ли БП успеет рассмотреть указанную проблему даже до 16 сентября 2022 года — даты, до которой согласно ст. 58 Конвенции о защите прав человека и основных свобод юрисдикция ЕСПЧ обязательна для России, а если и успеет, то Россия не будет признавать выводов БП по данному делу. Это значит, что обсуждаемое в статье М. А. Краснова решение никогда уже не будет иметь юридической силы для России (здесь еще имеется спор между органами Совета Европы, ЕСПЧ и РФ по поводу даты решений ЕСПЧ, когда они еще будут обязательными для России). Но («никогда не говори никогда») если наша страна вернется когда-нибудь в указанную организацию, то решение БП по данному вопросу (согласится ли она с правовой позицией Палаты ЕСПЧ из 7 судей от 13.07.2022 или нет) будет тогда юридически обязательным для России. Прецедент выхода и последующего возвращения государства в Совет Европы, в правовое пространство и юрисдикцию ЕСПЧ имеется: речь идет о случае с Грецией, которая вышла из Совета Европы во время установления в стране военной диктатуры правого толка — режима «черных полковников» и вновь вернулась в эту авторитетную международную правозащитную организацию

после того, как страна возвратилась на демократический, цивилизованный путь развития.

Будем надеяться на лучший для России вариант развития событий.

Список литературы

- Алекси 2011 — *Алекси Р.* Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Н. Лаптева при участии Ф. Кальшойера. М. ; Берлин : Инфотропик медиа, 2011. 173 с.
- Дворкин 2004 — *Дворкин Р.* О правах всерьез / пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 392 с.
- Европейский суд 2000 — Европейский суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. Т. 1 / редкол.: В. А. Туманов и др. М. : Норма, 2000. 841 с.
- Макинтайр 2000 — *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с.
- О ратификации Конвенции 1998 — Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.
- Право Европейской конвенции 2021 — *Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К.* Право Европейской конвенции по правам человека / пер. с англ. И. В. Артамоновой, Е. Г. Кольцова, А. Н. Русова ; науч. ред. А. И. Ковлер. 4-е изд. М. : Развитие правовых систем, 2021. 1448 с.
- Федеральный закон 2022 — Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. 2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206110028?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 11.06.2022).
- Barjot 2012 — *Barjot F.* Touche pas à mon sexe! Contre le « mariage » gay... Paris : Mordicus, 2012. 29 p.
- Duchateau, Guerlain 2012 — *Duchateau G., Guerlain F.* Dernier inventaire avant le mariage pour tous. Paris : Stock, 2012. 288 p.
- ECtHR 2002 — *European Court of Human Rights (ECtHR).* Pretty v. the United Kingdom. Application no. 2346/02. Judgment of 29 April 2002.
- ECtHR 2021 — *European Court of Human Rights (ECtHR).* Fedotova and Others v. Russia [Electronic resource]. Applications nos. 40792/10, 30538/14 and 43439/14. Judgment of 13 July 2021. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-211016%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-211016%22]%7D) (access date: 11.06.2022).
- Gauchet 1989 — *Gauchet M.* La Révolution des droits de l'homme. Paris : Gallimard, 1989. 341 p.
- Ignatieff 2007 — *Ignatieff M.* The Rights Revolution. 2nd ed. Toronto : House of Anansi Press, 2007. 170 p.
- Taillefer 2013 — *Taillefer A.* Droit de l'hommisme : une névrose religieuse. Paris : Godefroy de Bouillon, 2013. 319 p.
- Walker 1998 — *Walker S.* The Rights Revolution. Rights and Community in Modern America. Revolution. New York : Oxford University Press, 1998. 240 p.

References

- Alexy, R. (2011), *Begriff und Geltung des Rechts*, translated by Laptev, A. N. and Kalscheuer, F., Infotropik media, Moscow, Berlin, 173 p. (in Russian).
- Barjot, F. (2012), *Touche pas à mon sexe! Contre le « mariage » gay...*, Mordicus, Paris, 29 p.

- Duchateau, G. et Guerlain, F. (2012), *Dernier inventaire avant le mariage pour tous*, Stock, Paris, 288 p.
- Dworkin, R. (2004), *Taking Rights Seriously*, translated by Lakhuti, M. D. and Makeeva, L. B., ROSSPEN, Moscow, 392 p. (in Russian).
- European Court of Human Rights (2002), *Pretty v. the United Kingdom*, Application no. 2346/02, Judgment of 29 April.
- European Court of Human Rights (2021), *Fedotova and Others v. Russia*, Applications nos. 40792/10, 30538/14 and 43439/14, Judgment of 13 July, available at: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-211016%22%7D> (accessed 11 June 2022).
- Federal'nyi zakon ot 30.03.1998 № 54-FZ «O ratifikatsii Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i Protokolov k nei»* [Federal Law of the Russian Federation of 30 March 1998 No. 54-FZ “On Ratification of the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols”] (1998), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, no. 14, item 1514 (in Russian).
- Federal'nyi zakon ot 11.06.2022 № 183-FZ «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii i priznanii utrativshimi silu otdel'nykh polozhenii zakonodatel'nykh aktov Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law of the Russian Federation of 11 June 2022 No. 183-FZ “On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidating Certain Provisions of Legislative acts of the Russian Federation”] (2022), *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii*, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206110028?index=1&rangeSize=1> (accessed 11 June 2022) (in Russian).
- Gauchet, M. (1989), *La Révolution des droits de l'homme*, Gallimard, Paris, 341 p.
- Harris, D., O'Boyle, M. and Warbrick, K. (2021), *Pravo Evropeiskoi konventsii po pravam cheloveka* [Law of the European Convention on Human Rights], translated by Artamonova, I. V., Kol'tsov, E. G. and Rusov, A. N., 4th ed., *Razvitie pravovykh sistem*, Moscow, 1448 p. (in Russian).
- Ignatieff, M. (2007), *The Rights Revolution*, 2nd ed., House of Anansi Press, Toronto, 170 p.
- Macintyre, A. (2000), *After Virtue. A Study of Moral Theory*, translated by Tselishchev, V. V., *Akademicheskii proekt*, Moscow, *Delovaya kniga*, Yekaterinburg, 384 p. (in Russian).
- Taillefer, A. (2013), *Droit de l'homme : une névrose religieuse*, Godefroy de Bouillon, Paris, 319 p.
- Tumanov, V. A. et al. (eds) (2000), *Evropeiskii sud po pravam cheloveka. Izbrannye resheniya, v 2 tomakh. Tom 1* [The European Court of Human Rights. Selected Judgments, in 2 vols, Vol. 1], *Norma*, Moscow, 841 p. (in Russian).
- Walker, S. (1998), *The Rights Revolution. Rights and Community in Modern America. Revolution*, Oxford University Press, New York, 240 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 20.07.2022

Принята к публикации / Accepted: 1.08.2022

Информация об авторе

Семитко Алексей Павлович
доктор юридических наук, профессор
Гуманитарный университет
620049, Россия, Екатеринбург,
ул. Студенческая, 19
E-mail: asemitko@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-4425-3053

Information about author

Semitko, Alexey Pavlovitch
D. Sci. (Law Sciences), Professor
Liberal Arts University — University
for Humanities
19 Studencheskaya St., Yekaterinburg,
620049 Russia
E-mail: asemitko@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0003-4425-3053